

«Как можно победить наркомафию, если сотрудники милиции сами торгуют наркотиками?»



**Наркомафия
у Кременчуге**

4.4

В течение месяца «Телеграф» печатал материалы журналистского расследования «Наркомафия в Кременчуге». На этой странице мы собрали отзывы жителей города. На странице опубликованы рассказы только тех читателей, которые согласились представиться и сообщить свои координаты.

«Я слышу, как кто-то в подвале плачет сильно-сильно – а это моя мама...»

Эту историю рассказала Елена К. Её мать осуждена в 2004 году Автозаводским судом за сбыт наркотиков (дело № 1 – 202/2004) к трем годам лишения свободы. Свой 56-й день рождения мать Елены встретила в колонии. Лена объяснила желание рассказать историю матери так: «Я очень надеюсь, что кто-то, прочитав эту историю, остановится и подумает».

«Знаете, есть такие несчастливые семьи. Так вот наша – такая. У моей мамы тяжелая жизнь. Она послевоенный ребенок. С мужем ей не везло. Сколько себя помню, отец нам никогда денег не давал, семью – меня и брата – тянула мама. Она раньше работала продавцом в овощном магазине – знаете, напротив детской поликлиники на Советской? Потом его закрыли. Мама год была без работы. И вспоминать не хочу, как мы жили. Потом мама устроилась в частный магазин возле первой поликлиники. Её там уважали».

Вот в этом магазине она как-то разговаривала с каким-то знакомым. Разговор шел про дачи – мы там всегда много сажали. Ну, и мама, видно, похвасталась, что у неё уже много лет мак на чердаке валяется. Когда я маленькой была, мы его сажали – как все, на пирожики. Потом перестали. А головки мама, видно, сохранила. Ну, и этот знакомый сказал, что у него есть человек, который купит мак. Мама дала ему свой телефон. Видно, они сошлись. И покупатель пришел – это потом уже мама рассказывала, сначала она всё от нас скрывала».

Пришел этот парень. И с ним ещё мужчина – как я понимаю, это был оперативник. Они взяли мак на пробу. А на следующий день пришли покупать. Мама вынесла к дому. И тут на неё набросились. Она сначала не поняла, кто это? Все мужчины были в гражданском, никаких документов не показывали, затащили её в подъезд. Она страшно перепугалась – подумала, может, бандиты, и убьют. Мама говорила,

они так матерились, что она даже ругательств таких не слышала!

Я вот что хочу рассказать. Когда её затащили в подъезд, по лестнице поднимался мужчина из их подъезда. Мама его за руку схватила, просит: позвоните в милицию, меня убивают! А он говорит: я торплюсь на обеденный перерыв; я не хочу вмешиваться. И пошел».

Ну, потом милиция вместе с мамой поднялись в квартиру, обыск делать. Никаких постановлений на обыск не показывали, вообще не сильно церемонились. Все там перевернули, на балконе нашли пакеты. Маму увезли. А мне позвонили на работу».

Потом много всего было. Я плакала. Мы все растерялись – никто не судимый, не сидел, не знаем, как надо поступать. И мама таким никогда не занималась – мы бы знали. Знакомые адвоката посоветовали – бабушку какую-то 80-ти летнюю. Что-то она там делала, но не сильно помогла. А я, когда принесла передачу маме, тоже получила по голове. Сначала следователь наорал. Потом пошла отдавать передачу – это на 29-го сентября было (городское управление, - авт.). Спустилась, и слышу – в подвале кто-то плачет сильно-сильно – а это моя мама! Я ей кричу: мама, требуй адвоката! Ничего не подписывай! Ну, на меня начальник этого отделения накинулся – а ну, пошла отсюда, а то я тебя сейчас туда же закрою!

Потом уже, когда маму через три дня выпустили, мы узнали, что она все на свете поподписывала. Всё, без разбору. Я ей говорю: мама, надо искать хорошего адвоката! А она: додя, какой тут уже адвокат, пропало всё, позор какой! Ну, потом отец поговорил с судьей – они вместе работали в детской колонии. Только отец – водителем, а судья в начальстве был. Судья нас успокоил, говорит: ничего страшного, у матери вашей только два эпизода (продажи наркотического вещества, - авт.),

раньше не судимая, приводов не имеет, получит условный срок. Мы немножко успокоились – глупые мы, глупые!

А потом на суде маме дали три года колонии. Мы, конечно, умерли! Даже не знаю, как сказать! Ей год до пенсии, старая, больная – гипертония страшная. Как она в колонии выживет? И опять мы глупостей наделали. Отец к судье кинулся. А судья ему сказал: вы на апелляцию не вздумайте подавать, а то ей ещё срок прибавят – пять лет дадут, причем с конфискацией! Мама как узнала про конфискацию, говорит: Боже упаси, никакой апелляции! Она, как все пожилые люди, очень конфискации боится. Хотя что у нас конфисковать? Квартира – сарай. Холодильнику столько же лет, сколько мне. Телевизор, правда, пять лет назад купили новый».

Я вот ещё хочу рассказать. Когда маму уже после суда увезли в Автозаводский райотдел – чтобы отправлять на Полтаву – я ей передачу понесла. А там же встречи запрещены. Ну, я договорилась через знакомую. Пришла, милиционер этот после работы приехал, чтоб меня провесте. Я спрашиваю: сколько это будет стоить? Он говорит: ну, дашь гривен пятьдесят на бензин. Я и осела – у меня ж с собой гривен тридцать, не больше. Я стала из всех карманов вытаскивать по две гривны, по пятерке. Он говорит: если б я знал, что это у вас последние деньги, не связывался бы... Но тридцать гривен – тоже деньги, на дороге не валяются...»

А сейчас мама, как совершившая тяжкое преступление, находится в одном отряде с убийцами».

Она рассказывала, они по ночам лают, воют, хрипят – говорят, это после убийства такое происходит...»

А когда я выходила замуж, мамы на свадьбе не было. Она в колонии сидела...»

«Да, мой сын наркоман...»

«Да, мой сын наркоман. Это огромная беда нашей семьи. Наверное, такое страшно говорить, но я знаю, за семь лет знаю – сына я потеряла. У меня остался его сын – наш маленький внук. Когда я хочу умереть, я говорю себе, что мальчик никому не нужен. И живу».

Хочу сказать, что читала все ваши статьи. Это правда. Я вижу это семь лет. У нас нормальная семья. Была. Ни алкоголя, ни бродяг. За это время – пока сын колется – мы разное увидели. Я бегала за сыном, видела тещу сотрудника милиции **, которая торгует ширкой за дамбой. А её зять требует, чтобы покупали именно у тещи. Это теперь бизнес называется? И их главный взяточник ** приезжает на своей новенькой машине, никого не боится. Как же можно победить наркомафию, если сотрудники милиции сами торгуют наркотиками?»

Н. А.

«Мой сын – наркоман. Вы о нем писали, и фамилию указывали. Это правда. Я его вины не отрицаю. А хочу вам рассказать вот что. Сотрудники правоохранительных органов предложили ему взять на себя вину – якобы он цех держал по выпуску подпольной водки. Заплатили 500 гривен. Он, дурачок, согласился...»

Т. А.



Информация для служебного пользования

Начальник областного ОБНОНа подполковник Дидык дважды планировал встретиться с сотрудниками «Телеграфа» по поводу опубликованных в газете материалов. К сожалению, по причинам, не зависящим от товарища подполковника, встреча не состоялась. Но в телефонном разговоре с корреспондентом «Телеграфа» командир обещал при случае дать комментарии. А также сообщил, что опубликованные материалы «в какой-то степени помогли разобраться с внутренними проблемами, и узнать больше о происходящем в Кременчуге».

Желая оказать посильную помощь правоохранительным органам, «Телеграф» составил подборку сообщений кременчужан о масштабах распространения в городе относительно нового наркотического препарата трамадола (медицинский препарат, при передозировке наступает смерть от удушья; продается в аптеках города – как сообщают кременчужане, без рецепта).

«А ты зайди в аптеку возле продовольственного магазина **. После пяти вечера. И постой. Понаблюдай. Заходят парни. Идут к провизору и просто говорят: «пятнадцать», «двадцать». Она им молча выдает. Знаешь что? Трамадол».

«В аптечку на ***, на Молодежном, зайдите, понаблюдайте – увидите, как трам (трамадол) пацанам продают. Без рецептов, между прочим».

«Да, очень интересно наблюдать, как человек 50 ждёт барыгу трамом, а те, кто подходит, спрашивают у тебя, куда нужно идти. На Молодежном так и есть. Только точки иногда меняют. Вот и сиди, отдыхай!» («ТБ», № 27).

«Предлагаю милиции обязать продавцов наркотиков выдавать по-

купателям товарный чек. Это решение облегчит работу журналиста!» («ТБ», № 27).

Также редакция хотела бы обратить внимание ОБНОНа на ситуацию с наркоторговлей в административном районе Кохновка. Читатели «Телеграфа» сигнализируют:

«А как насчёт Кохновки, где в определенный день каждого месяца милицейский «бобик» приезжает к наркоторговцам за деньгами? Как искоренить наркомафию, если наркотой торгуют менты!!!» («ТБ», № 27, SMS-эксперт).

Пенсионерка А. из Малой Кохновки лично приехала в редакцию «Телеграфа», чтобы сообщить, что в районе улицы Школьной в Малой Кохновке, и во всем районе идет регулярная торговля наркотиками – преимущественно ширкой».

Редакция «Телеграфа» считает необходимым указать, что далеко не все сотрудники кременчужского ОБНОНа фигурируют в обличительных рассказах кременчужан. Как правило, обвинения звучат в адрес двух-трех сотрудников. И эти фамилии регулярно повторяются».

Р. С. Редакция «Телеграфа» получила уведомление Генеральной прокуратуры Украины о том, что материалы журналистского расследования «Наркомафия в Кременчуге» переданы в прокуратуру Полтавской области для проведения проверки. Мы опубликуем результаты прокурорской проверки».

Страницу готовила
Лариса АРТЕМЕНКО

ТБ Співчуття

Коллектив ЗАО «Кременчужская кондитерская фабрика» глубоко скорбит о преждевременной смерти начальника цеха №2 Шевченко Галины Андреевны, которая отдала работе на фабрике более 30 лет. При ее активном участии происходило становление карамельного цеха №2 и запуск нового производства «Рошен» в г. Липецк. Выражаем искреннее соболезнование родным и близким Галины Андреевны.

Коллектив и ветераны
кондитерской фабрики